

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-2-11-21

УДК: 821.161.1-17 Кантемир А.Д.

О.Л. ДовгийМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

«Петр, отец наш...»: отцовская топка в сатирах А.Д. Кантемира

Аннотация. Цель статьи, продолжающей серию публикаций автора о поэтике сатир А.Д. Кантемира, – интерпретация сатир с точки зрения топки и конкретно – анализ топки отца. В качестве метода использован авторский микрофилологический подход к тексту, позволяющий осуществлять комплексное изучение сатир как единого текста в выбранном ракурсе на разных уровнях (мотивном, лексико-семантическом, грамматическом, фонетическом, вплоть до буквенного) и дающий многомерное представление о художественном мире сатир. Особое внимание уделяется системе метафорических кодов, использованных Кантемиром. Топка отца – очень удобная призма для интерпретации сатир, поскольку, будучи ключевой (отцы упоминаются абсолютно во всех сатирах), она связана практически со всеми основными тематическими блоками. Главным связующим звеном между топкой отца и другими стрелневыми направлениями сатир является топка примера. Как и положено в сатирическом жанре, отцовские примеры делятся на положительные и отрицательные. Высший положительный пример, безусловно, Петр Первый, «отец отечества». Можно сказать, что все сатиры – рассказ о том, как люди не следуют примеру своего главного «отца», чему свидетельством малое количество (и в основном виртуальный характер) примеров положительных и разнообразие многочисленных примеров отрицательных. Выводы из проведенного анализа таковы: обилие негативных отцовских примеров и широкий спектр приемов их изображения служат еще одним подтверждением актуальности авторского замысла, виртуозности его осуществления и единства поэтического мира сатир.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир, сатиры, топка отца, приемы изображения отца в сатирах, поэтический мир сатир, образ «отца Петра» в сатирах Кантемира

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Довгий О.Л. «Петр, отец наш...»: отцовская топка в сатирах А.Д. Кантемира // Литература в школе. 2023. № 2. С. 11–21. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-2-11-21

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-2-11-21

O.L. DovgyLomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

“Peter, our genitor...”: The paternal topic in A.D. Cantemir’s satires

Abstract. The purpose of the article that continues series of author’s publications on poetics of A.D. Cantemir’s satires is interpretation of satires from the point of view of topic and, specifically, the analysis of the parental topic. Micro-philological approach to the text was used for a comprehensive study of satires as a single text in the chosen perspective at different levels (motive, lexical-semantic, grammatical, phonetic, including the letters) and giving a multidimensional idea of the artistic world of satires. Special attention is paid to the series of metaphorical codes, developed by Cantemir. The paternal topic is a very convenient prism for interpreting satires since it is the key one (fathers are mentioned in every satire) and is directly related to almost all the main thematic blocks. The main link between the paternal topic and other key thematic areas of satire is the topic of example. As it should be in satires, paternal examples fall into positive and negative patterns. The main positive example is certainly Peter the First, the “father of the fatherland”. We can interpret satires as a story about people who do not follow the example of their main “father” because of small number (and mostly of the virtual nature) of positive examples and the variety of numerous negative examples. The study conducted makes it possible to conclude that the abundance of negative paternal examples and a wide range of techniques for depicting them serves as another confirmation of the relevance of the author’s idea, the excellence of its embodiment and the unity of the poetic world of satires.

Key words: A.D. Cantemir, satires, the paternal topic, the techniques of representing the father in satires, the poetic world of the satire, the image of “Peter the Father” in Cantemir’s satires

CITATION: Dovgy O.L. “Peter, our genitor...”: The paternal topic in A.D. Cantemir’s satires. *Literature at School*. 2023. No. 2. Pp. 11–21. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-2-11-21

Нам уже приходилось писать об искусной организации сатир А.Д. Кантемира, о композиционной стройности всего здания [2; 3]. Анализ сатир сквозь призму различных

оппозиций, как правило, оказывался весьма продуктивным. В настоящей статье мы подойдем к сатирам со стороны топики – и, конкретнее, топики отца. Литературная топика,

по определению А.Е. Махова, есть наука о топосах как внеперсональных и вневременных схемах мысли и выражения¹.

Топика отца – очень удобная призма. Во-первых, ее с полным правом можно назвать ключевой (отцы упоминаются во всех восьми сатирах Кантемира). Во-вторых, она, будучи многообразными нитями связана с другими основными тематическими блоками, дает особый ракурс для рассмотрения поэтического мира сатир. А поскольку есть разнообразие внутренних связей – не может не быть и множества подходов. Проще всего было бы просто перечислить и охарактеризовать всех описанных в сатирах отцов. Для путеводителя по сатирам (если таковой когда-то будет сделан) это было бы ценно. Но интереснее начертить саму схему связей топики отца с другими тематическими сферами.

Топика отца очень древняя. Эту древность иллюстрируют примеры из мифологии и Библии. Кантемир отмечает, что отцы есть и у богов, и у мифологических персонажей: «Аполлин. Сын Юпитера и Латоны, брат Дианы, у древних за бога наук и начальника муз почитан»; «Бахус, Юпитеров сын, у баснословцев за бога винограда и пьянства почитается»; «Пан. Бог лесной, иногда и Силваном от стихотворцев называется,

¹ Методика исследования топосов (Toposforschung) и основные принципы топики как науки наиболее полно представлены в книге Э.Р. Курциуса [12]. В России самым крупным специалистом по теории Курциуса и науке о топосах был А.Е. Махов, работы которого по литературной топике многочисленны [См.: 6–8]. Примеры тому, что все, связанное с отцами (в данном случае у Кантемира), действительно относится к внеперсональным и вневременным схемам, представлены в книгах: западноевропейские [11], русские [3].

сын Пенелопы» (выделено Кантемиром. – О.Д.); «Нарцисс, по баснословию древних, был сын реки Цефица и нимфы Лириопеи, столь красивый, что все в него влюблялись» [4].

И библейские отцы не остаются не замеченными Кантемиром. Адам – отец и в узком (отец двух сыновей):

Адам дворян не родил, но одно с двух чадо
Его сад копал, другой пас блеюще стадо...

[Там же, с. 77],

и в широком значении слова: все люди именуются «Адамлевы чада».

Говоря о топике отца, мы неминуемо окажемся во власти системы оппозиций, на которой держится черно-белый мир сатир.

Главная оппозиция, безусловно, квинтилиановская Res/Verba («всякая речь состоит из того, что означает, и из того, что означает, т.е. из вещей и слов») [Цит. по: 5, с. 37]. Отцы в сатирах есть реальные, а есть «словесные»². И что самое главное – на уровне *verba* существует очень важный мотив «отец как имя».

Главным связующим звеном между топикой отца и другими семантическими блоками служит всепроникающая топика примера, что логично для жанра сатиры. Поэтому в качестве главной путеводной нити мы выбираем пример.

Примеры, совершенно предсказуемо, делятся на положительные и отрицательные. И отцы – в зависимости от того, к какому роду относится подаваемый ими пример, – тоже.

² Хотя – по большому счету – все упоминаемые в сатирах персонажи «словесные», т.к. появляются в речи Автора или монологах других персонажей, мы – чисто конвенционально – будем относить к «вербным» персонажей исторических, мифологических, а также существующих лишь в сознании Автора.

Отцы, дающие положительный пример

Это Петр Первый. В сатирах он податель только положительного примера – и при жизни, и особенно после смерти. О нем не сказано ни одного критического слова. При упоминании имени Петра сатирическое перо Кантемира превращается в панегирическое. Для сатир – жанра, живущего обличением, – это необычно.

Главная формула, связанная с Петром, – «отец отечества». Топика родства органично входит в государственный риторический канон. Титул «отец отечества» Петр принял в 1721 г., и Кантемир (как и Феофан Прокопович) стремится пропагандировать его:

И знал то высшим умом монарх
одаренный,
Петр, *отец наш*³, никаким трудом
утомленный...
[4, с. 158]

Риторическим инструментом Кантемира является слово «пример»:

Когда труды его нам в пользу были
нужны.

Училища основал, где промысл услужный
В пути добродетелей имел бы наставить
Младенцев; осмелился и престол оставить
И покой; сам странствовал,
чтоб подать собою

Пример в чужих братья краях то,
что над Москвою
Сыскать нельзя: сличные человеку нравы
И искусства. Был тот труд корень
нашей славы:
Мужи вышли, годные к мирным
и военным
Делам, внукам памятны нашим
отдаленным...
[Там же]

Примечание Кантемира: «Император Петр Великий, названный, по достоинству, Отцом отечества».

³ Все выделения в тексте Кантемира, кроме особо оговоренных, сделаны нами. – О.Д.

В сущности, все хорошее, о чем говорится в сатирах, следствие дел Петровых. Не случайно одной из ключевых рифм в сатирах является рифма «Петровы – новы». Не забудем, что оппозиция «старое/новое» – одна из важнейших в конструкции сатир. Таким образом, суггестивно отцовское око Петра присутствует в мире сатир повсеместно. Так сама собой возникла еще одна микропризма для нашего сегодняшнего путешествия по сатирам: взгляд Петра. Если все россияне дети общего отца – Петра, то логично все их деяния оценивать по этому высокому счету. Если верить вышеприведенной цитате, то получается, что у Петра много достойных сыновей, «годных мужей». Будет ли таким же вывод после окончания нашего анализа?

Примеру Петра, в описании Кантемира, стремятся следовать многие: в мире сатир есть отдельный раздел [См. подробнее: 3] под общим названием «достойные» (достойный правитель, достойный военачальник, достойный судья и т.д.):

Мудры не спускает с рук указы Петровы,
Коими стали мы вдруг народ уже новый...
[4, с. 75]

Высшая награда для такого достойного начальника (в любой сфере жизни) – самое почетное имя: «Отец». Собственно, все добрые дела правитель совершает ради того, чтобы заслужить это имя (так «словесное» оказывается важнее «реального»):

Отцом невинный народ зовет...
[Там же, с. 73]

Все отрицательные качества достойного воеводы даны с помощью грамматического отрицания – как отсутствующие в нем: *нет* жадности,

Отцы, дающие отрицательный пример

Отрицательным примерам в сатирах – совершенно предсказуемо – отведено гораздо более места, и они описаны подробнее. Отцов, дающих отрицательный пример, в сатирах великое множество – в разных профессиях, разных социальных слоях. Сын портного, сын мельника, сын плута, сын целовальника – все они есть в сатирах; и отношение к семейному сходству у всех разное. Топика отца связана с топикой традиции, топикой различных профессий. Фактически это макет общества в разрезе. Перечислять все дурные примеры – значит, снова написать подробный разбор сатир. Укажем лишь на некоторые.

Кантемир часто показывает роковые отцовские ошибки путем рассказа о плодах такого воспитания. Отражение порочного отца в зеркале сына, еще более усиливающим отцовские пороки, излюбленный прием Кантемира.

Вот родной сын, следуя отцовским заветам, предает родного отца ради «больших мешков»:

Другой гордостью надут, яростен,
бесщаден,
Готов и отца предать, к большим мешкам
жаден...
[4, с. 161]

На примере отцовской топика хорошо видна одна из ключевых оппозиций сатир «края/середина». В сатирах есть отцы, которые совершенно не заботятся о том, что будет с их детьми:

И у кого не одна в безделках исходит
Тысяча – малейшего расхода жалеет
К наставлению детей...

[Там же, с. 159]

А есть такие, что радеют «чересчур»:

...чересчур если б сей радея
О счастье моем, свое не сгубил бессудно...
[Там же, с. 125]

В обоих случаях результат плачевен. Результат работы этой оппозиции – в исповеди слишком послушного сына очень достойного отца в 8-й сатире. Автор рассказывает о том, что всегда жил по отцовским добрым советам:

Стыдливым, боязливым и всегда собою
Недовольным быть во мне природы
рукою
Втиснено, иль отческим советом
из детства...
[Там же, с. 174]

Но что из этого вышло?

Теперь те свойства мои чувствую,
умилен,
Сколь вредны мне, и уже избыть
их не силен.
Вредны не в одном лишь том,
что мешают смело
Стихи писать и казать, и, как многи, дело
Свое в люди выводить, сам то выхваляя.
Часто счастливый случай, что у пальцев
края
Моих лежал, упустил, не посмея вжать
в руку;
Часто бесконечных врак тяжку снес
я скуку,
Потя, сжимаяся и немее клуши,
Стыдясь сказать: пощади, дружок,
мои уши...
[Там же, с. 174]

Чересчур точное исполнение добрых советов отца лишило сына смелости и собственной воли, сделало его «немее клуши». Бестиарная метафора подчеркивает крайнюю степень безволия этого послушного сына. Лишний раз Автор указывает на порочность излишности,

любой крайности⁵. Но характерно, что тут упоминается отеческий совет, а не пример.

Мотивы древности рода, путей попадания в новую знать очень важны в сатирах. Отец – самый близкий и по времени, и по кровному родству. Топика отца очень тесно связана с топикой памяти: можно напомнить сыну, что отец был низкого звания, а можно помнить, но не напомнить (игра на наличие/отсутствие частицы *не*), смолчать:

Господскую сносить спесь, признавать,
что родом
Моложе Владимира одним только годом,
Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан
серой...
[4, с. 148]

В сатирах в подтверждение недавнего пребывания «в грязи» у стремящихся пролезть в верхушку общества приводятся родственники разной степени удаленности. Если кто-то помнит, что отец «носил кафтан серой», – значит, сын не имеет никакого права задаваться.

Кантемир показывает, как тонка грань между *res u verba*. В 5-й сатире Сатир, пришедший из леса, легко понимает и усваивает приемы человеческой аргументации, механизмы вызывания доверия, подходящую метафорику – и легко сплетает себе достоверную биографию:

Деду следуя, отец мой торговал перцем
И богатством сильным был в ближнем
граде знатен,
Почтенный всем жителям купец
и приятен...
[Там же, с. 125]

⁵ Анализ оппозиции «края/середина» в сатирах предпринят в нашей статье [2].

Как видим, Сатир имитирует механизм линейного развития, прямой семейной профессиональной традиции и самую естественную в этом случае метафорику следования по отцовскому пути: сын, как правило, «топчет отцовские следы». Такой ход развития событий не вызывает у адресата рассказа никаких подозрений, и выдумка Сатира помогает ему достичь желанной цели: «Старик сановитый» принимает его на службу.

Подведем итог. Мы бросили беглый взгляд на отцовскую топикку в сатирах, наметили основные ее связи с разными тематическими сферами сатир, отметили главные метафорические коды (метафорику следования по пути, телесную, государственную). Каждое упоминание отца – это узел на общей ткани сатир, где сходятся разные тематические сферы. Обилие отрицательных отцовских примеров и разнообразие приемов их изображения служит еще одним подтверждением актуальности авторского замысла и единства поэтического мира сатир. Можно сказать, что все сатиры – рассказ о том, как люди не следуют примеру своего главного «отца», чему свидетельство малое количество (и в основном виртуальный характер) примеров положительных и разнообразие, большое количество примеров отрицательных.

И напоследок вспомним седьмую главу «Онегина», где речь идет о Москве и московском обществе:

Все то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп...
[10, с. 150]

Случайно Пушкин свел в одной строфе сразу троих Петровичей? Вряд ли. Седьмая глава «Онегина» –

и седьмая сатира Кантемира, где речь идет о воспитании и возникает образ «отца Петра». Цифровое сходство скорее всего случайно (хотя и красиво), а вот наличие сразу трех «детей Петровых» – да еще таких малопривлекательных – заставляет задуматься. В качестве варианта интерпретации

(для нас очень подходящего) можно предложить следующее: все мы, по большому счету, Петровичи, поскольку «Петр, отец наш». От «Петровичей» Кантемира до Петровичей Пушкина столетие. Изменилось ли что-нибудь? Ответ дает повтор словосочетаний «все то же» и «все так же».

Библиографический список

1. Грибоедов А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1971.
2. Довгий О.Л. Оппозиция «края/середина» в сатирах А.Д. Кантемира // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1. С. 54–64.
3. Довгий О.Л. Сатиры Кантемира как код русской поэзии: Опыт микрофилологического анализа. 2-е изд., испр. и доп. Тула, 2018.
4. Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., 1956.
5. Махов А.Е. Европейская поэтика. Темы и вариации // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: энциклопедический путеводитель. М., 2010. С. 7–72.
6. Махов А.Е. Э.Р. Курциус // Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М., 2004. С. 208–209.
7. Махов А.Е. Поэтологическая топика во фрагментах Новалиса // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. С. 19–29.
8. Махов А.Е. Топос // Западное литературоведение XX века: энциклопедия. М., 2004. С. 408–409.
9. Махов А.Е. Эмблематика. Макрокосм. М., 2014.
10. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1960.
11. Щеглов Ю.К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004.
12. Curtius E.R. European literature and the Latin middle ages. Princeton, 1991.

References

1. Griboedov A.S. Sochineniya: v 2 t. T. 1. [Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, 1971.
2. Dovgy O.L. The opposition “edges/middle” in the satires of A.D. Kantemir. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2018. Vol. 77. No. 1. Pp. 54–64. (In Rus.)
3. Dovgy O.L. Satiry Kantemira kak kod russoj poezii: Opyt mikrofilologicheskogo analiza [Satires by Kantemir as a code of Russian poetry: An experience of microphilological analysis]. Issue 2. Tula, 2018.
4. Kantemir A.D. Sobranie stixotvorenij [Collected poetry]. Leningrad, 1956.
5. Makhov A.E. European poetics. Themes and variations. *Evropejskaya poetika ot antichnosti do epoxi Prosveshheniya: enciklopedicheskij putevoditel*. Moscow, 2010. Pp. 7–72. (In Rus.)
6. Makhov A.E. E.R. Curtius. *Zapadnoe literaturovedenie XX veka: enciklopediya*. Moscow, 2004. Pp. 208–209. (In Rus.)
7. Makhov A.E. Poetological topic in fragments of Novalis. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya»*. 2019. No. 2. Pp. 19–29. (In Rus.)
8. Makhov A.E. Topos. *Zapadnoe literaturovedenie XX veka: enciklopediya*. Moscow, 2004. Pp. 408–409. (In Rus.)
9. Makhov A.E. Emblematika. Makrokosm [Emblem. Macrocism]. Moscow, 2014.
10. Pushkin A.S. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 4. [Collection of works in 10 vols. Vol. 4]. Moscow, 1960.
11. Shcheglov Y.K. Antioch Kantemir i stixotvornaya satira [Antioch Kantemir and poetic satire]. St. Petersburg, 2004.
12. Curtius E. R. European literature and the Latin middle ages. Princeton, 1991.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023, принята к публикации 31.03.2023
The article was received on 28.02.2023, accepted for publication 31.03.2023

Сведения об авторе / About the author

Довгий Ольга Львовна – доктор филологических наук; старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Olga L. Dovgy – ScD in Philology; Senior Research Fellow at the Department of Literary and Artistic Criticism and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

E-mail: olga.dovgy@yandex.ru